

Казахи в КНР // Казахская диаспора: проблемы этнического выживания / Под ред. Л. Бенсон, И. Сванберга. Алматы, 1997. С. 18–85.

Мұқаметханұлы Н. XX ғасырдағы Қытайдың тарихи үрдісіндегі қазақтардың әлеуметтік дамуы. Алматы, 2006.

Сәмитұлы Ж. Қытайдағы қазақтар. Алматы, 2000.

Сыроежкин К.Л. Казахи в КНР: очерки социально-экономического и культурного развития. Алматы, 1994.

Шабданұлы Қ. Пана. Алматы, 2004.

Шабданұлы Қ. Қылмыс. Алматы, 2005.

Шәкенұлы Ж. Ұлт рухының жоқшылары // Шетелдегі қазақ диаспорасы және ана тілді сақтау мәселелері. 2000 жылғы маусымның 15–16 күндері Алматыда өткен ғылыми-практикалық конференцияның материалдары. Алматы, 2000.

Шәкенұлы Ж. Қытайдағы қазақтар. Алматы, 2007.

В.А. Прищепова

ЭТНОГРАФИЧЕСКИЕ РАБОТЫ Г.Г. ГУЛЬБИНА В ПЕНДЖИКЕНТЕ

Научное наследие ираниста Григория Григорьевича Гульбина, который в 1926 г. изучал материальную культуру населения долины реки Зеравшан, жилище, некоторые виды ремесел, собирал вещевые коллекции для Музея антропологии и этнографии, фотографировал, зарисовывал, а также вел полевые записи, содержит богатый этнографический материал¹.

В полевые сезоны 1926–1929 гг. в Средней Азии, главным образом на территории Таджикистана, работала комплексная Среднеазиатская этнологическая экспедиция АН СССР. Формально ее руководителем был академик В.В. Бартольд, но фактически — лингвист, специалист в области языков, этнографии и фольклора памирских языков Иван Иванович Зарубин, кото-

¹ Подробнее о Г.Г. Гульбине см.: [Прищепова 1995: 192–195].

рый возглавлял один из отрядов этнологической секции (Зеравшанский).

В области этнографического изучения ираноязычных горных народов задачи этнологической секции экспедиции сводились к сбору материалов по отдельным районам и выявлению распространения наиболее важных элементов материальной и духовной культуры. По мнению И.И. Зарубина, в первую очередь это касалось изучения типов жилища.

Работы продолжались с июля по октябрь. В 1926 г. в его задачу входило обследование населения Пенджикента, верхнего течения р. Зеравшан (Фальгар и Матча), знакомство с жилищем таджиков, так как в этнографической литературе не было работ по традиционным постройкам этого региона.

Начинался маршрут экспедиции в Пенджекенте, в котором участники поездки находились недолго, ограничившись лишь «довольно беглым обследованием», что с сожалением отмечал в своем отчете Г.Г. Гульбин. На части фотоколлекции 1926 г. (около 50 снимков) исследователь запечатлел жизнь города и его обитателей. Панорама Пенджикента показывает плоские крыши домов, плотно примыкающих друг к другу (МАЭ, колл. № 3489-1). В отчете Г.Г. Гульбин писал о впечатлении, которое на него произвели местные населенные пункты: «В самых разнообразных направлениях идут многочисленные переулки. Сплошь и рядом превращающиеся в тупики или упирающиеся в ворота чье-нибудь дома» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 219. Л. 1]. На фотографии показана одна из таких улиц города (МАЭ, колл. № 3489-2).

Снимки демонстрируют фасад пенджикентских одноэтажных домов, строительные материалы и конструктивные приемы народных мастеров. Г.Г. Гульбин писал в отчете, что в Пенджикенте для построек использовали необожженный кирпич (*хишт*). Для каркаса и балок употреблялся тополь, который считался влагостойким и упругим. На фотографиях видны деревянные детали домов.

Фундамент (*такурси*) возводили чаще из крупных камней, уложенных прямо на землю, как показано на снимках, реже — из дерева (МАЭ, колл. № 3489-3, 7). Если фундамент делали каменным, то камни скрепляли между собой толстым слоем водного

раствора глины (*лой*), которую добывали недалеко от строительства. По наблюдениям Г.Г. Гульбина, при возведении фундамента домов обычно камни укладывали горизонтально, что также видно на фотографиях. Укладка камней рядами с наклоном в разные стороны в каждом ряду использовалась обычно при сооружении заборов. Однако исследователь обратил внимание на то, что такая кладка встречалась и при строительстве фундамента домов [Там же: л. 2]. В опубликованных данных этнографического обследования материальной культуры, в том числе жилища таджиков Верхнего Зеравшана, собранных значительно позже, в 1940–1960-х гг., отсутствуют сведения о подобной кладке фундамента жилищ.

Еще более архаичным, чем каменный, представляется деревянный фундамент жилого помещения. На одном из снимков показан такой фундамент — бревна, лежащие на земле (*таксинч*): «...балки, лежащие в самом низу — таксинч — рубятся в замок или накладываются прямо друг на друга» [Там же]. Затем возводили стойки стен каркасного жилища. Для этого в балках проделывали пазы, в которые вставлялись довольно толстые подпорки (*сутун*) из стволов тополя. Верхняя часть подпорок укреплялась в верхних балках (*завару*), что также зафиксировано на кадрах (МАЭ, колл. № 3489-5, 6). Промежуток между стойками заполняли необожженным кирпичом или небольшими камнями. Г.Г. Гульбин отмечал, что в местностях, где главным строительным материалом был камень, стены делались из него: «При отсутствии деревянного каркаса... часто приобретает вид бесформенно наклепанных друг на друга камней» [Там же: л. 3]. Каменные стены в прошлом имели повсеместное распространение при строительстве всех типов построек. Такие стены уже к 1950–1960-м годам сохранялись лишь в высокогорных кишлаках, или же подобным способом возводили заборы [Материальная культура... 1973: 17, 19]. На снимке Г.Г. Гульбина показан дом с каменной стеной (МАЭ, колл. № 3489-3).

По характеристике Г.Г. Гульбина, плоскую крышу домов устраивали следующим образом. Зажиточные люди укладывали поверх потолочных балок (*завару*) настил (*васса*) из толстых брусьев, на них — жерди, очищенные от коры. Менее состоя-

тельное население делало настил из тонких стволов деревьев и толстых сучьев. Потолок помещения представлял собой нижнюю сторону кровли. По впечатлениям Г.Г. Гульбина, при взгляде на потолок таких домов «видишь торчащие в жилье сучья, свешивающиеся со всех сторон с потолка» [АМАЭ. Ф. К-1. Оп. 2. Д. 219. Л. 4]. Поверх потолочного настила насыпали защитный слой для предотвращения гниения (колючку, стружку либо солому) и выкладывали густой слой раствора из глины, в который иногда добавляли некрупные камни. После этого покров крыши утрамбовывали ногами. Таким образом получалась плоская крыша. Такие крыши были тяжелыми, поэтому часто внутри домов устраивали подпорки-колонны.

Полевые материалы Г.Г. Гульбина 1926 г. содержат новые для своего времени этнографические материалы, которые не утратили значения научного источника по такой малоизученной детали народной архитектуры, как двери жилища. Исследователь обратил внимание на то, что в домах Пенджикента чаще встречаются двустворчатые двери (МАЭ, колл. № 3489-18, 19). Делались они и дверная коробка из тополя. Высота дверей в Пенджикенте была наибольшей по сравнению с другими обследованными районами — 125–150 см. Г.Г. Гульбин заметил, что петли на дверях встречались редко даже в Пенджикенте.

Собирателем сфотографированы открытые двери, чтобы были видны выступы в верхнем и нижнем углах створок, которые вставляли в отверстия дверной коробки. Благодаря этому двери свободно вращались. Исследователь отметил, что мастера при обтесывании досок использовали самый простой инструмент — топор: «...в домах старой постройки попадают двери из грубо обтесанных досок» [Там же: л. 5]. Доски дверей скреплялись деревянными шипами. Встречалось и другого рода крепление: «Можно, однако, встретить и двери, доски которых соединены при помощи шерстяной веревки, пропущенной через специально проделанные отверстия в них и завязанной узлом» [Там же: л. 6]. На внутренний край одной половины двери набивалась планка, как видно на снимке, чтобы закрывать щель между створками. Роль дверных ручек выполняла металлическая накладка с цепочкой, укрепленная на одной из половин дверей: «...очень рас-

пространены кожаные и веревочные (шерстяные) петли, играющие роль ручек», — отмечал Г.Г. Гульбин. Эта же цепочка использовалась в качестве дверного запора. Как правило, двери украшали геометрическим резным орнаментом.

Декоративное оформление жилищ и предметов обихода вызвало особый интерес у исследователя и желание уделить этому вопросу в дальнейшем больше внимания: «Разнообразие резьбы, виденной повсюду на всевозможных деревянных изделиях, как то сундуках, ящиках, предметах домашнего хозяйства, как то: веретенах, собу (деревянные цилиндрические сосуды) и т. п. заслуживает изучения, гораздо более тщательного, чем можно было сделать это в минувшую поездку» [Там же].

Значительный интерес представляют наблюдения Г.Г. Гульбина, связанные с определением доступа света и воздуха в дома при отсутствии в большинстве случаев окон: «...они или заменяются дверьми, или оконными проемами, устроенными в стенах рядом с дверьми» [Там же: л. 8]. При этом, как отмечал исследователь, двери устраивали даже по две в одной стене близко друг от друга. В холодную погоду днем двери полностью не открывали, вставляя в дверные проемы деревянные рамы (*дарча*) толщиной 4–5 см, по размерам дверной коробки, «верхняя часть которых украшена подчас прихотливым выпиленным рисунком; нижняя часть заклеивается обыкновенной белой бумагой, играющей роль стекла» [Там же]. Существовавшие оконные проемы располагались, как правило, высоко от земли и закрывались деревянными ставнями. Стекла в окнах домов Пенджикента встречались очень редко.

С большим вниманием Г.Г. Гульбин изучал расположение служебных построек, планировку усадеб, деление территории на две части: жилую и хозяйственную. Всю территорию окружала высокая глиняная стена. Часто во внешнем дворе (*хаул-и-бирун*) находилось помещение для гостей (*михман-хона*) и конюшни. Эта часть отделялась от другой половины двора (*хаул-и-эндерун*), которая использовалась для хозяйского жилья, забором с калиткой. В некоторых случаях пространство двора, в котором располагались приезжие, называли *хаул-и-бирун*, а противоположное — *хаул-и-эндерун* [Там же: л. 11]. Во внешнем дворе

устраивали постройки для рогатого скота, овец и ишаков, конюшни с кормушками: «Для случаев кратковременной остановки посредине двора (в Пенджикенте) врывается деревянный столб, играющий роль коновязи. Обычная высота таких столбов — 0,75–2 метра» [Там же]. Во внутреннем дворе рядом с жильем хозяина и помещениями для скота находились сараи для дров, сена и соломы, а также уборные (*ходжат-хона*). Г.Г. Гульбин обращал внимание на конструкцию местных туалетов в различных обследованных районах и старался их фотографировать. Любопытно, что в литературе, касающейся традиционного жилища, эти строения не заслужили специального изучения. На снимках — фасад и внутреннее устройство традиционных туалетных сооружений Пенджикента. Они напоминали небольшие сарайчики без крыши, в земляном полу которых имелось отверстие (МАЭ, колл. № 3489-20, 21).

Тщательным образом фиксируя свои наблюдения, Г.Г. Гульбин подмечал происходившие изменения в быту таджиков и в строительстве домов. При этом определить время создания этих сооружений было сложно: «Упоминая часто выражение “более старые постройки”, приходится, к сожалению, отказаться от попытки более или менее точно установить их действительный возраст. Дело в том, что память теперешних хозяев почти всегда останавливается на дедах, и дальнейшие расспросы ни к чему не приводят» [Там же: л. 16].

Следует добавить, что снимки 1926 г. выполнялись в непростых полевых условиях. Г.Г. Гульбин указал на трудности, с которыми пришлось столкнуться в поездке: «...считаю не лишним отметить, что для иллюстрирования отдельных моментов среднеазиатского быта необходимо иметь фотокамеру, удовлетворяющую, если возможно, следующим условиям: малый вес... быстроработающий и не мелкий по фокусу... объектив, прочный, не поддающийся колебаниям температуры съемный затвор... достаточное... количество кассет и легкий устойчивый штатив... При производстве снимков сельских работ возня с громоздким аппаратом отнимала массу времени, заставляла пропускать нужные моменты и делала совершенно невозможной незаметную съемку» [Там же: л. 25–26].

В 1926 г. Г.Г. Гульбин впервые собрал глубокий и содержательный материал по широкому кругу вопросов, связанных с жилищем таджиков Пенджикента, что позволяет внести некоторые уточнения в историко-этнографическое изучение типов и вариантов традиционного верхнезеравшанского жилища.

Библиография

Материальная культура таджиков верховьев Зеравшана. Душанбе, 1973.

Прищепова В.А. К этнографии народов Средней Азии и Казахстана: Материалы Среднеазиатской этнологической экспедиции АН СССР 1926–1929 гг. (по архивным данным) // Этническая и этносоциальная история народов Кавказа, Средней Азии и Казахстана. СПб., 1995.

Список сокращений

АМАЭ — Архив Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамеры) Российской академии наук

С.Ш. Салакая, М.Р. Аргун

«КАВКАЗСКИЙ КАЛЕНДАРЬ» КАК ИСТОЧНИК ПО ЭТНОДЕМОГРАФИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ В АБХАЗИИ В КОНЦЕ XIX — НАЧАЛЕ XX в.

«Кавказский календарь» (далее — КК), издававшийся ежегодно с 1845 по 1917 гг. при Главном управлении Кавказского наместника, является *одним из ценнейших справочных изданий по дореволюционному Кавказу и важнейшим периодическим изданием, представляющим материалы по истории, географии и этнографии Кавказа*. В нем собраны статистические, справочные и адресные сведения о Кавказском крае. В «Календаре» часто публиковались исследования по археологии, этнографии края, краткие биографии деятелей Кавказа, воспоминания участ-